LIM

СЛЕД МАГИИ

Lim Limonka

След магии

«Автор»
2026

Limonka L.

След магии / L. Limonka — «Автор», 2026

В Кайрне каждый ребёнок знает: магия всегда оставляет след, а след всегда ведёт к магу. На этом держится весь город.Тим Корр вырос в Сточном квартале и был лучшим вором банды, пока Палата следов не дала ему выбор: тюрьма или служба. Колдовать он почти не умеет, зато видит то, чего не замечают опытные следователи.Когда мастера печатей находят мёртвым в запертом кабинете, где нет ни единого магического следа, все говорят о сердечном приступе. Но Тим чувствует, что комната слишком чистая. Расследование уведёт его от особняков знати к трущобам, где он вырос, и приведёт туда, куда он боится смотреть: в саму Палату. А серебряная подвеска, единственная память о матери, окажется ключом к тайне, которую в Кайрне хотят похоронить любой ценой.

© Limonka L., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть I. След, которого нет 8
Глава 1. Утро стажёра 8
Глава 2. Чистая комната 12
Глава 3. Сердечный приступ 15
Глава 4. Уроки Брана 18
Глава 5. Вдова 21
Глава 6. Ночь в верхнем Кайрне 24
Глава 7. Ученик мастера 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Lim Limonka
След магии

Пролог

В кабинете мастера Грейна всегда было тепло.

Камин горел ровно, по-хозяйски, отбрасывая рыжие отсветы на корешки книг и на тяжёлую дубовую дверь. На двери светилась печать — тонкая вязь золотистых линий, видимая только тому, кто умел смотреть. Печать работы самого Грейна. Лучшая в Кайрне. Сквозь неё не прошёл бы ни вор, ни маг, ни сам Совет в полном составе.

Освальд Грейн писал. Перо поскрипывало, часы на каминной полке отмеряли ночь мягкими щелчками. Было уже за два, и город под Верхним холмом давно спал, а мастер печатей всё не мог закончить запись.

«Он знает, что я…» — вывела рука и остановилась.

Пламя в камине дрогнуло. Не погасло — съёжилось, прижалось к углям, как пёс, которого пнули. Грейн поднял голову.

Золотистая вязь на двери медленно бледнела. Линии не рвались, не ломались — просто тускнели, одна за другой, как если бы кто-то с той стороны осторожно смывал их водой. Потом дверь беззвучно отворилась.

Вошедший был в длинном тёмном плаще с глубоким капюшоном. Он не торопился. Остановился у порога, и Грейн увидел, как на стекле за его спиной, в тёплой, натопленной комнате, проступает иней. Белые кружева ползли от краёв к середине окна, быстро, жадно.

— Ты, — сказал Грейн. Не спросил. Узнал.

— Книга, мастер Грейн.

Голос был спокойный, почти вежливый. Грейн хотел ответить — что угодно, что спасло бы его, — но вместо этого, против воли, бросил короткий взгляд на резную панель в углу. Всего один взгляд. Этого хватило.

В комнате стало холодно. Не так, как бывает холодно зимой, а так, как бывает холодно на дне колодца, куда никогда не заглядывает солнце. Холод лёг Грейну на плечи, на грудь, на горло. Мастер печатей открыл рот, но звука не было.

Часы на каминной полке щёлкнули в последний раз и остановились. Стрелки показывали семнадцать минут третьего.

Незнакомец достал из тайника за панелью толстую книгу в чёрном переплёте, бережно, как берут спящего ребёнка, и спрятал её под плащ. Потом медленно обошёл комнату, ведя ладонью по воздуху. Там, где проходила его рука, гасли невидимые краски: следы долгих лет работы, следы печатей и заклинаний, следы самого Грейна. Комната становилась чистой. Пустой. Такой, какой не бывает ни одна комната, где жил маг.

У порога он задержался и оглянулся на того, кто сидел за столом с открытыми глазами.

Затем дверь закрылась. Золотистая вязь печати медленно вернулась на место, линия за линией, будто её никто никогда не тревожил.

В камине снова разгорелось пламя. Но тепло в кабинет мастера Грейна больше не вернулось.

В Кайрне каждый ребёнок знал: магия всегда оставляет след.

Часть I. След, которого нет

Глава 1. Утро стажёра

Следы я увидел раньше, чем дверь.

Они висели над крыльцом ювелирной лавки на улице Литейщиков, как пар над остывающим котлом: бледно-зелёные, с медным привкусом, который чувствуешь не языком, а где-то за глазами. Свежие. Обычный прохожий не заметил бы ничего, кроме вывески с облупленным золотым кольцом и сонного стражника у входа. Я бы заметил их, даже если бы мне завязали глаза.

— Стажёр Корр, Палата следов, — сказал я и показал бляху.

Стражник смерил взглядом сначала бляху, потом мой плащ, который был велик мне на ладонь в плечах, потом подвёрнутые рукава. Взгляд задержался на лице, на шраме у подбородка, и стал таким, каким в верхнем Кайрне смотрят на людей из Сточного квартала. Я к этому взгляду давно привык. Как к погоде.

— Ваша уже внутри, — буркнул он и посторонился.

«Наша» стояла посреди лавки с раскрытой тетрадью и писала. Элин Вейл всегда писала. Светлые волосы убраны в строгий узел, плащ сидит так, будто его шили по ней. Впрочем, наверняка так и было. Она подняла глаза ровно на мгновение, ровно настолько, чтобы я понял: я опоздал.

— Мастер Хольт велел начинать без него, — сказала она. — Я начала.

— Это я вижу.

Лавка была маленькой и душной. Витрины под стеклом, бархатные подушечки, на которых теперь ничего не лежало, весы, лупа на цепочке. У задней стены стоял тяжёлый кованый сундук с распахнутой крышкой. Пустой. Над ним дрожало то же зелёное марево, что и на крыльце, только гуще.

Хозяин, мастер Пенн, круглый, в ночной рубахе под наспех накинутым сюртуком, сидел на табурете у прилавка и промокал лоб платком.

— Ограбили, — сообщил он мне так, словно я мог этого не заметить. — Магией! Печать на сундуке работы самого мастера Грейна, за двести серебряных, а её вскрыли, как банку с вареньем!

Я прошёл к сундуку и встал так, чтобы стена оказалась за спиной. Привычка, от которой я даже не пытался избавиться: в Сточном квартале тот, кто стоит спиной к двери, долго не живёт. Потом присел на корточки и стал смотреть.

Элин подошла и встала рядом, не слишком близко. Как будто бедность заразна.

— Вскрывающее заклинание, — сказала она, сверяясь с тетрадью. — Зелёный оттенок, медный привкус. Отмычка второго порядка. Вор — маг средней силы, проник ночью, около полуночи…

— Не ночью, — сказал я.

Перо в её руке замерло.

Я не стал отвечать сразу. Я смотрел. Объяснить это тем, кто учился по книгам, трудно. След похож на свежую краску. За ночь он тускнеет, края расплываются, цвет уходит в серое, как заварка в кипятке. А этот горел ярко, и края у него были острые, будто его нарисовали только что. Час назад. Может, меньше.

— Мастер Пенн, — я поднялся. — Когда вы обнаружили кражу?

— В полночь! Проснулся от шума, спустился, а тут…

— И сразу позвали стражу?

— Сразу же!

Я обернулся к двери. Стражник у входа зевнул, не прикрыв рта.

— Он прибежал за нами, когда уже светало, — сказал тот. — Сказал, только что обнаружил.

Мастер Пенн перестал промокать лоб.

А я уже смотрел на прилавок. Там, рядом с весами, лежал пухлый кожаный кошелёк. Воров я знаю. Знаю лучше, чем хотелось бы Палате. Вор, который вскрыл печать Грейна за двести серебряных, не оставит на прилавке набитый кошелёк. Он заберёт всё, что блестит, и всё, что звенит, и даже лупу на цепочке, потому что за неё в Сточном квартале дадут пару медяков.

— Никто вас не грабил, — сказал я. — Вы сами открыли сундук. Час назад, перед тем как пойти за стражей. Купили где-нибудь отмычку-заклинание, верно? В нижнем городе их продают на каждом углу. Думали, Палата увидит магический след и запишет кражу. А потом вы получите за пропажу по страховке.

Мастер Пенн открыл рот. Закрыл. Платок выпал из его пальцев на пол.

— Долги, — сказал он наконец очень тихо. — Если бы вы знали, какие у меня долги…

Я знал, что такое долги. Только у нас за них не страховку получали, а ломали пальцы. Жалеть его почему-то не хотелось.

— Свежесть следа определяют по таблице угасания, — холодно произнесла Элин. — А не на глаз.

— Ну так сверься с таблицей, — пожал я плечами.

Она сверилась. Долго водила пальцем по строчкам, потом ещё раз посмотрела на сундук. Что она прочла, я не видел. Зато услышал, как тетрадь захлопнулась. Очень громко.

* * *

Бран Хольт явился, когда мастера Пенна уже уводили. Небритый, в мятом плаще, пахнущий вчерашним пивом и табаком, он остановился в дверях, оглядел пустой сундук, кошелёк на прилавке, бледного ювелира между двумя стражниками и хмыкнул.

— Ну и кто тут у нас такой умный?

Элин открыла было рот, но Бран смотрел на меня.

— След свежий, — сказал я. — Час, не больше. А кражу будто бы нашли в полночь.

— Хм. — Бран почесал щетину. — Неплохо, Корр. Для уличного мальчишки — совсем неплохо.

От Брана это была почти похвала. Я сделал вид, что не услышал. Иначе пришлось бы как-то на неё отвечать, а я не умею.

Палата следов стоит на Верхнем холме, над всем Кайрном: белый камень, высокие узкие окна, ступени, стёртые за три сотни лет тысячами сапог. Где-то в её подвалах хранится реестр — книги, в которые занесён почерк каждого мага города. Каждый, кто хоть раз колдовал в Кайрне, оставил здесь свой отпечаток. Поэтому в Кайрне и не боятся магических преступлений. Над входом это выбито крупными буквами, чтобы все видели: «Магия всегда оставляет след. След всегда ведёт к магу».

Когда меня впервые привели сюда, я полчаса стоял под этой надписью и думал, что меня обманули. Что так не бывает. Что где-то обязательно есть лазейка. В Сточном квартале лазейка есть всегда.

На лестнице нам навстречу спускался Северин Ласк.

Старший смотритель Палаты всегда выглядел так, будто только что вышел от портного: тёмный сюртук без единой складки, седина на висках, серые перчатки, которые я ни разу не видел снятыми. Элин сразу выпрямилась, как струна, и голос её стал звонче.

— Господин смотритель! Дело на улице Литейщиков закрыто. Хозяин сам инсценировал кражу ради страховки, след был нанесён не ночью, а на рассвете…

Северин слушал её внимательно, чуть склонив голову. Потом перевёл взгляд на меня.

— Говорят, свежесть следа заметили вы, Корр?

Я кивнул. Под этим спокойным взглядом мне всегда становилось неловко, будто я снова стою в том переулке два года назад, а рука в серой перчатке держит меня за шиворот. «Тюрьма или Палата, мальчик. Выбирай». Тогда я думал, что мне конец. А оказалось — начало. Никто никогда не давал мне второго шанса. Он дал.

— Хороший глаз, — сказал Северин. — Помните, Корр: Палата держится на одном. Люди лгут. Следы — никогда.

Он положил руку мне на плечо, всего на мгновение, и пошёл дальше вниз по ступеням. Я поёжился: из распахнутых дверей тянуло осенней сыростью.

— Он похвалил тебя, — сказала Элин, глядя ему вслед. Таким тоном, каким говорят «пошёл снег в июле».

— Завидуешь? — спросил я.

Элин не ответила. Развернулась и ушла вверх по лестнице, громко стуча каблуками. А я остался стоять под надписью про следы и, кажется, впервые за два года в неё почти поверил.

* * *

Моя комната под самой крышей: косой потолок, узкое окно, кровать, придвинутая вплотную к стене. Стажёрам полагается жить при Палате, и первые недели я здесь не спал. Слишком тихо. Слишком чисто. Никто не храпит за перегородкой, никто не крадётся ночью к твоим сапогам. Потом привык. Почти.

Я достал из-под тюфяка книгу — потрёпанные «Странствия капитана Ортвина», купленные за три медяка у старьёвщика. Если бы Элин узнала, что уличный выскочка читает по ночам романы, смеху ей хватило бы на месяц. Поэтому книга живёт под тюфяком, а я читаю её при свече, спиной к стене, и вздрагиваю от каждого шага на лестнице.

Сегодня не читалось. Я отложил книгу и вытащил из-под рубахи подвеску.

Серебряный медальон размером с ноготь большого пальца, гладкий, тёплый от кожи. Без замочка, без узора — просто овал серебра на тонкой цепочке. Филин однажды предлагал за него тридцать серебряных. Мне было десять, и я впервые в жизни ударил взрослого. Филин рассмеялся, потрепал меня по голове и больше никогда не предлагал.

Мать я почти не помню. Помню руки: тонкие, в мелких порезах, пахнущие горькими травами. Помню, как эти руки надели мне на шею цепочку и долго не отпускали. Больше ничего. Ни лица, ни голоса. Только запах и серебро.

Я сжал медальон в кулаке и уснул, сам не заметив когда.

Разбудил меня стук. Не вежливый, а такой, от которого дрожит дверь.

— Подъём, Корр!

За окном едва серело. Я скатился с кровати, сунул книгу под тюфяк и распахнул дверь. На пороге стоял Бран, полностью одетый, трезвый и очень мрачный. Трезвый Бран на рассвете — это само по себе плохая примета.

— Собирайся. На Верхнем холме покойник.

— Кто?

— Освальд Грейн. Мастер печатей.

Я замер с сапогом в руке. Перед глазами встал кованый сундук в лавке на улице Литейщиков. Печать работы самого мастера Грейна, за двести серебряных.

— Шевелись, — бросил Бран и загрохотал вниз по лестнице.

Я натянул сапог и обернулся к окну. По краю стекла, тонкий, как кружево, полз первый осенний иней.

Глава 2. Чистая комната

Дом мастера Грейна стоял на самой макушке Верхнего холма, там, где улицы уже не улицы, а аллеи, и вместо фонарей горят магические шары в кованых клетках. Три этажа серого камня, острая крыша, узкие окна. Я посмотрел на него и подумал первое, что подумал бы любой вор из Сточного квартала: в этот дом я бы не полез.

Печати были везде. На воротах, на калитке, на парадной двери, на окнах первого этажа — тонкая золотистая вязь, сплетённая так плотно, что у меня зарябило в глазах. Это был почерк мастера. Уверенный, спокойный, без единой лишней линии. Так пишет человек, который никогда в жизни не сомневался.

— Красиво, — сказал я.

— Что? — Бран тяжело дышал после подъёма.

— Печати. Красиво сделано. Сюда никто не войдёт.

— Кто-то, видать, вошёл, — проворчал Бран.

Во дворе уже толпились стражники, у крыльца стояла карета с гербом Совета, а в холле нас встретила тишина — та особая, вязкая тишина, которая бывает в богатых домах, когда случается беда. Слуги жались по углам. Пожилая служанка тихо плакала в фартук.

На лестнице стояла женщина в тёмно-синем платье, очень красивая и очень бледная. Молодая — лет на тридцать моложе покойного, если я хоть что-то понимаю в людях. Она держалась прямо, руки сложены, лицо спокойное. Слишком спокойное. Так держатся, когда боятся, что если хоть на миг расслабишься, рассыплешься на куски. Или когда очень хорошо знают, что на тебя смотрят.

— Госпожа Лиора Грейн, — шепнул мне Бран. — Вдова.

Рядом с ней, ступенькой ниже, стоял парень постарше меня, лет двадцати семи, с красными глазами и чернильными пятнами на пальцах. Он кусал губу и всё время оглядывался наверх, туда, где был кабинет.

— А это?

— Ученик. Дарен Фойль.

Бран поднялся к ним, пробормотал что-то положенное про скорбь и Палату, и вдова кивнула, не глядя на него. Я остался внизу. Стажёрам не полагается разговаривать с вдовами. Стажёрам полагается носить сумку.

* * *

Кабинет был на третьем этаже, в конце длинного коридора. Дверь заперта изнутри, и на ней горела печать — та же золотая вязь, что и на воротах, только сложнее, гуще. Перед дверью стоял печатник Палаты, сухонький старичок с лупой, и уже второй час осторожно, линию за линией, расплетал её.

— Утром служанка принесла ему чай, — рассказывал Бран, пока мы ждали. — Постучала — не отвечает. Позвали ученика, ученик тоже постучал. Потом позвали нас.

— А ученик не мог открыть? Он же знает печати мастера.

Бран покосился на меня.

— Говорит, не мог. Это личная печать Грейна. Её знал только он сам.

Я промолчал. Но запомнил.

Наконец старичок выпрямился, вытер лоб и сказал:

— Готово.

Бран толкнул дверь.

Первым меня встретил холод. Не сквозняк, не утренняя свежесть — настоящий холод, как в погребе. Я машинально посмотрел на камин. Камин горел. Ровно, спокойно, дрова уже прогорели наполовину. А по краям окна, изнутри, на стекле белел иней.

В тёплой комнате. Рядом с горящим камином.

Мастер Грейн сидел за столом, откинувшись на спинку кресла. Седой, грузный, в домашнем бархатном халате. Глаза открыты. Я видел мёртвых и раньше, в Сточном квартале их видят все, кто доживает до десяти лет. Но такого лица я не видел никогда. Он не был удивлён. Не был испуган. Он был в ужасе — так смотрят, когда понимают, что всё кончено, и успевают понять, почему.

Бран осторожно коснулся его руки и отдёрнул пальцы.

— Холодный, — сказал он глухо. — Как лёд.

На столе лежал раскрытый дневник, перо выпало, чернильница опрокинулась, и чёрное пятно расплылось по бумаге, захватив последнюю строку. Я наклонился. Почерк был тот же, что и на печатях: ровный, уверенный. Только последние слова вышли неровными, будто рука дрогнула.

«Он знает, что я…»

Дальше — ничего. Только чернила.

На каминной полке стояли часы. Стрелки показывали семнадцать минут третьего. Маятник не двигался.

— Ну? — сказал Бран. — Что видишь?

И тут я понял, что ничего.

* * *

Попробую объяснить. Комната мага — это как палитра художника, которую никогда не моют. Каждое заклинание оставляет след, и следы ложатся друг на друга, слой за слоем, годами. Свежие — яркие, старые — бледные, совсем старые — едва заметная дымка, но она есть всегда. В кабинете мастера печатей, который сорок лет колдовал здесь каждый день, должна была висеть такая дымка, что хоть ножом режь. Золотые нити его почерка на каждой полке, на каждом ящике стола, на каждом корешке книги.

Я не видел ничего.

Ни одной нити. Ни одного пятнышка. Ни следа убийцы, ни следа хозяина. Ни даже следа печатника, который только что работал у двери, — а уж его-то след должен был гореть, как свечка.

Комната была чистой. Как новая простыня. Как свежевыпавший снег. Я поймал себя на том, что задерживаю дыхание, и не мог понять почему. Потом понял. Это была не пустота. Это было похоже на тишину сразу после крика, когда звук уже кончился, а уши ещё звенят.

— Корр?

— Здесь ничего нет, — сказал я.

Бран нахмурился.

— Так не бывает. Грейн здесь жил.

— Вот именно, — сказал я. — Так не бывает.

Бран долго смотрел на меня. Потом сам закрыл глаза, постоял, медленно поворачивая голову, как старый пёс, который ловит запах. Открыл глаза. Лицо у него стало серым.

— Сердце, — сказал он наконец, но как-то неуверенно. — Старик. Сердце не выдержало. Магии нет — значит, и убийства нет.

— А иней?

— Окно старое. Дует.

— А часы?

— Завод кончился.

Он говорил это не мне. Он говорил это себе. И сам себе не верил — я видел.

Я стоял посреди мёртвой, вымытой до блеска комнаты, и что-то во мне, что-то старое, уличное, говорило: здесь слишком чисто. Так чисто не бывает. Так чисто бывает только там, где кто-то очень постарался убрать за собой.

В коридоре послышались шаги. Ровные, неторопливые. Бран обернулся и выпрямился.

В дверях стоял Северин Ласк.

Глава 3. Сердечный приступ

Северин вошёл в кабинет так, как входят в собственную гостиную: неторопливо, оглядывая всё с вежливым интересом. Задержал взгляд на теле, на опрокинутой чернильнице, на часах. На инее у окна — чуть дольше, чем на остальном. Потом снял шляпу и наклонил голову.

— Мастер Грейн, — сказал он тихо. — Какая потеря для города.

Бран откашлялся.

— Господин смотритель. Следов нет. Ни одного.

— Я вижу. — Северин медленно обошёл стол. — Значит, магии здесь не было. Сердце. Ему шёл шестьдесят третий год, он работал по ночам и не щадил себя. Я давно говорил ему, что так нельзя.

Он произнёс это мягко, с сожалением, как говорят о старом знакомом. И всё в этой комнате — запертая дверь, мёртвое лицо, остановившиеся часы — вдруг сложилось в простую и понятную картину. Старик. Ночь. Сердце. Так просто, что мне самому захотелось в это поверить.

Почти.

— Здесь нет даже его следов, — сказал я.

Бран быстро на меня взглянул. Северин обернулся — без раздражения, с лёгким любопытством, как оборачиваются на воробья, который неожиданно заговорил.

— Простите?

— Мастер Грейн колдовал в этой комнате сорок лет, — сказал я. — Здесь должна быть дымка его почерка на каждой полке. А её нет. И печатника, который только что открывал дверь, тоже нет. Здесь не просто нет следа убийцы. Здесь вообще ничего нет. Так не бывает.

Северин помолчал.

— Вы видели много кабинетов мастеров печатей, Корр?

Я не ответил.

— Старые следы угасают, — продолжил он тем же ровным голосом. — Печати Грейна тонкие, их почерк выцветает быстрее обычного, это известно любому, кто читал его трактаты. А печатник работал снаружи, не внутри. Вы устали. Вас подняли до рассвета. — Он чуть улыбнулся. — У вас хороший глаз, я говорил это вчера и повторю. Но в Палате доверяют таблицам угасания, а не ощущениям. Ощущения — это для гадалок с Рыбного рынка.

Щёки у меня загорелись. Бран смотрел в пол.

— Хольт, — Северин повернулся к нему. — Опишите тело, опросите домашних для порядка. Заключение — к вечеру. Не будем держать вдову в неведении дольше, чем нужно.

— Да, господин смотритель.

Северин отошёл к окну и заговорил с Браном вполголоса — о бумагах, о лекаре, о похоронах. На меня больше никто не смотрел. Стажёр сказал глупость, стажёра поставили на место. Обычное утро.

И вот тогда, раз уж на меня никто не смотрел, я сделал то, что умею лучше всего.

* * *

Когда грабишь богатый дом, первым делом ищешь тайник. Не потому, что там всегда лежит самое ценное. А потому, что тайник есть всегда. Богатые люди не могут без тайников, как без зеркал.

В кабинете Грейна их могло быть три. Под половицей у камина — нет, половицы лежали ровно, без щелей. За книгами на верхней полке — слишком очевидно для человека, который делает лучшие печати в городе. А вот резная панель в углу, за креслом, мне сразу не понрави-

лась. Вся стена была обшита тёмным деревом, гладким, старым. И только у этой панели нижний край был чуть светлее. Затёрт. Пальцами. Много раз.

Я присел, будто поправляю сапог, и нажал на завиток резьбы. Ничего. На соседний. Ничего. На третий — и панель беззвучно, на ладонь, отошла от стены.

Меньше минуты. Филин бы мной гордился.

Тайник был пустой. Неглубокая ниша, обитая бархатом. Но бархат был покрыт тонким слоем пыли — везде, кроме ровного прямоугольника посередине, размером с толстую книгу. Чистого, тёмного, как след от стакана на пыльном столе. То, что лежало здесь, лежало долго. И забрали это совсем недавно.

И ещё был запах.

Слабый, горьковатый, едва заметный. Сухая трава. Я узнал его раньше, чем понял, что узнал: так пахли руки матери. Полынь. У меня закружилась голова — от холода, наверное, — и я быстро закрыл панель.

Я мог бы позвать Брана. Должен был. Но что-то меня остановило. В Сточном квартале есть правило: если нашёл что-то и не знаешь, кто смотрит, — молчи. Сначала пойми, кому это нужно. А потом уже решай.

Я поднялся. Северин стоял у окна, спиной ко мне, и разглядывал иней на стекле. Долго. Очень внимательно. Потом поправил перчатку и сказал Брану, что вдову нужно известить первой.

* * *

В холле людей стало больше. У дверей гостиной стояла вдова, а рядом с ней — высокий мужчина в тёмно-сером, которого я раньше не видел. Ему было лет сорок пять. Тёмные волосы с проседью, которые он, в отличие от меня, умел причёсывать. Лицо резкое, красивое и такое неподвижное, будто его вырезали из того же серого камня, что и дом. Он говорил с вдовой вполголоса, и она слушала его так, как не слушала Брана.

— Кто это? — шепнул я.

— Кассиан Орвел, — так же шёпотом ответил Бран. — Глава дома Орвелов. Совет. Грейн ставил печати всем Высоким домам, вот они и съезжаются. Не пялься.

Я и не пялился. Я тащил сумку Брана, тяжёлую, как камень, и ремень, разумеется, лопнул прямо посреди холла. Сумка грохнулась на мраморный пол. Склянки зазвенели. Я нагнулся собирать, и подвеска выскользнула из-под рубахи, закачалась на цепочке, поймала свет из высокого окна.

Я поднял голову — и встретился взглядом с Кассианом Орвелом.

Он смотрел на меня. Не так, как смотрят знатные на уличного мальчишку, — сверху вниз, мимо, сквозь. Он смотрел прямо на меня. Сначала на подвеску. Потом на лицо. Долго. Так долго, что вдова рядом с ним замолчала на полуслове и тоже обернулась.

У меня внутри всё сжалось. Я знал этот взгляд. Так смотрят, когда узнают. Когда-то я обчистил половину верхнего Кайрна, и кто знает — может, однажды это были его карманы. Может, он запомнил лицо мальчишки, который толкнул его на рынке. Может, сейчас он скажет: «Это тот вор». И Северин, который стоит наверху, на лестнице, услышит.

Я сунул подвеску обратно под рубаху и уткнулся в склянки.

Когда я снова поднял глаза, Кассиан Орвел уже отвернулся. Он что-то говорил вдове, ровно и спокойно, как ни в чём не бывало. Только рука его, лежавшая на спинке кресла, сжалась так, что побелели костяшки.

Наверное, всё-таки узнал. Или решил, что ошибся. Мне было всё равно. Главное — промолчал.

* * *

Мы вышли на улицу, когда солнце уже поднялось над крышами. Бран шёл молча, тяжело, глядя под ноги. У ворот он остановился, достал трубку, долго набивал её и так и не закурил.

— Сердечный приступ, — сказал он наконец, ни к кому не обращаясь.

— Вы в это верите?

Бран посмотрел на меня. Глаза у него были красные, усталые и очень старые.

— Я верю, что стажёру, который спорит со Старшим смотрителем при свидетелях, в Палате долго не продержаться, — сказал он. — Вот во что я верю.

Он пошёл вниз по улице. Я постоял у ворот ещё немного, глядя на дом мастера Грейна. Золотые печати горели на солнце — ровные, красивые, нетронутые.

Никто не мог сюда войти. Никто не мог отсюда выйти. Никто не оставил ни одного следа.

И кто-то забрал из тайника толстую книгу.

Я сунул руки в карманы. Пальцы почему-то никак не могли согреться.

Глава 4. Уроки Брана

Заключение подписали в шесть вечера. «Остановка сердца, естественные причины. Магического вмешательства не обнаружено». Подпись: С. Ласк, Старший смотритель. Я видел бумагу краем глаза, когда её несли в архив, — аккуратную, ровную, с печатью Палаты внизу. Дело мастера Грейна было закрыто, не успев открыться.

Брана я нашёл в «Кривом фонаре», кабаке у подножия Верхнего холма, куда ходят те из Палаты, кому не по карману «Серебряный лев» и не по душе собственные мысли. Он сидел в углу, спиной к стене — я это отметил с невольным уважением — и смотрел в кружку так, будто на дне что-то написано.

Я сел напротив. Бран не поднял глаз.

— Иди спать, Корр.

— В кабинете Грейна был тайник, — сказал я.

Бран поднял глаза.

Я рассказал всё. Про затёртый край панели. Про пыльный бархат и чистый прямоугольник. Про то, что там лежала книга и что её забрали недавно. Про полынь не сказал. Сам не знаю почему. Наверное, это было слишком моё.

Бран слушал молча. Потом медленно поставил кружку.

— Ты полез в тайник покойника, — сказал он очень тихо, — на глазах у Старшего смотрителя.

— Он стоял спиной.

— Ты полез. В тайник. И никому не сказал.

— Вам говорю.

— Мне. — Бран коротко, невесело засмеялся. — Ты хоть понимаешь, мальчик, что, если бы тебя поймали, ты бы уже сидел в подвале Палаты, а не в кабаке? Вор остаётся вором — так бы и сказали. Северин бы тебя не спас. Никто бы не спас.

Я промолчал. Он был прав, и мы оба это знали.

Бран долго смотрел на меня. Я видел, как у него ходят желваки, как он что-то решает и никак не решит. Потом он вдруг допил одним глотком, со стуком поставил кружку и поднялся.

— Пошли.

— Куда?

— Учиться. Раз уж ты всё равно полезешь туда, куда не надо, — полезешь хотя бы не вслепую.

* * *

У Брана была каморка в подвале Палаты — бывшая кладовая, заставленная старыми шкафами, ящиками с бумагами и пустыми бутылками, которые он, кажется, коллекционировал. Он сгрёб со стола хлам на пол, поставил свечу и вытащил из шкафа пять предметов: свечной огарок, медную монету, яблоко, кусок верёвки и маленький деревянный ящичек.

— Свежие следы ты видишь, — сказал он. — Это я понял ещё в лавке. Свежесть читаешь лучше половины выпускников, даже без таблиц. А теперь скажи мне, что здесь было.

Он щёлкнул пальцами над огарком. Фитиль вспыхнул. Провёл рукой над монетой — та на миг стала золотой и тут же снова медной. Коснулся яблока, на котором был свежий порез, и порез затянулся. Шепнул что-то над верёвкой, и она завязалась узлом сама. А над ящичком просто подержал ладонь.

— Ну?

Я смотрел. Следы были — пять маленьких облачков, яркие, свежие. Но для меня они были просто следами. Разноцветными, да. Пахнущими по-разному. Но что это значит, я не знал.

— Не вижу, — признался я.

— Видишь, — отрезал Бран. — Просто не знаешь, на что смотришь. Как неграмотный, который видит буквы, но не может прочесть слово. Смотри на свечу.

Я смотрел.

— Какой цвет?

— Рыжий. С красным по краю.

— Запах?

— Жжёный сахар.

— Огонь, — сказал Бран. — Любое огненное заклинание — от свечки до пожара — рыжее, и пахнет жжёным. Запомни раз и навсегда. Теперь монета.

Над монетой рябило что-то сиреневое, переливчатое, будто масло на воде. И звенело — тонко, на самом краю слуха, как комар.

— Иллюзия, — сказал Бран, прежде чем я успел ответить. — Иллюзии всегда звенят и всегда рябят. Потому что они врут, а враньё не может стоять на месте. Яблоко.

Над яблоком висело тёплое, золотисто-зелёное облачко. Пахло мятой. Мне вдруг стало спокойно, как бывает, когда лежишь на солнце.

— Исцеление.

— Верно. Верёвка?

Серо-синий, сухой, щёлкающий, как ломкие ветки.

— Не знаю.

— Связывание. Такими ловят беглых. — Бран чуть усмехнулся. — Тебе стоит знать его в лицо. А ящичек?

Над ящичком почти ничего не было. Тонкие-тонкие нити, бледно-золотые, переплетённые так плотно, что сливались в сплошную дымку. Я наклонился ближе и вдруг понял, что уже видел такое. Сегодня утром. На воротах. На дверях. На окнах дома на вершине холма.

— Печать, — сказал я. — Защитная печать. Как у Грейна.

— Не как у Грейна, — поправил Бран. — У Грейна печати в сто раз сложнее. Но принцип тот же. Защитная магия всегда золотая и всегда сплетённая. Чем плотнее плетение, тем сильнее печать. А у Грейна их плетение было таким, что ни один вор в Кайрне…

Он замолчал, посмотрел на меня и криво усмехнулся.

— Ну, ты сам знаешь.

Я знал.

* * *

Мы просидели до полуночи. Бран зажигал, гасил, прятал, лечил, связывал, а я называл. Сначала медленно, ошибаясь через раз. Потом быстрее. Потом что-то во мне будто щёлкнуло, как замок, который долго не поддавался, — и я перестал думать. Цвет, запах, звук вдруг перестали быть отдельными. Они складывались сами, как буквы в слово. Рыжее и жжёное — огонь. Сиреневое и звенящее — ложь. Золотое и сплетённое — замок.

Я прочёл. Впервые в жизни я не просто увидел след, а прочёл его.

— Хорошо, — сказал Бран, когда я назвал седьмой подряд без ошибки. Сказал не так, как говорил днём в лавке. Тише. И как-то странно на меня посмотрел. — Очень хорошо, Корр. Я на это год потратил.

Мне стало жарко, и я уставился на свечу, чтобы он не видел моего лица.

Потом спросил то, что вертелось на языке весь вечер:

— Мастер Хольт. А след можно убрать?

— Нет.

Он ответил сразу. Слишком сразу — без паузы, без раздумья, будто ждал этого вопроса и заранее приготовил ответ.

— Никогда, — добавил он. — Это первое, чему учат в Палате. След можно только переждать. Он угасает сам. Но стереть его нельзя. Никому. Ни при каких обстоятельствах.

— А в кабинете Грейна…

— В кабинете Грейна старик умер от сердца, — сказал Бран. — Так написано в заключении. А заключения в Палате не пересматривают.

Он отвернулся, полез в шкаф и долго звенел бутылками. Я смотрел ему в спину. За два года в Палате я хорошо научился одному: понимать, когда врут взрослые. На улице этому учишься раньше, чем грамоте.

Бран не врал. Но и правды он не говорил.

— Завтра с утра поедешь к вдове, — бросил он, не оборачиваясь. — Отвезёшь копию заключения. Официально — курьер. Неофициально… — он помолчал. — Неофициально смотри в оба. И держи рот на замке. Особенно наверху.

— Наверху?

Бран наконец обернулся. В руках у него была пыльная бутылка, но открывать её он не стал.

— Иди спать, Корр, — сказал он. — Пока я не передумал.

Глава 5. Вдова

Утром у дверей Палаты меня ждала Элин Вейл. С тетрадью, разумеется.

— Господин смотритель велел мне ехать с тобой, — сказала она таким тоном, будто это я был виноват. — Госпожа Грейн просит оформить показания прислуги для наследственного суда. Формальность.

— А я тогда зачем?

— Понятия не имею. — Она поджала губы. — Возможно, чтобы носить бумаги.

Северин спустился, когда мы садились в казённую карету. Остановился у подножки, поправил перчатку.

— Вейл, Корр. Дело закрыто, но порядок есть порядок. — Он чуть помедлил, будто вспомнил что-то незначительное. — Кстати. Мне передали, что одна из служанок болтает, будто видела ночью в коридоре хозяйку. Пустяки, конечно, — люди после смерти всегда что-то видят. Но запишите. Для полноты.

Он кивнул нам и пошёл обратно к дверям. Я смотрел ему вслед. Элин уже писала в тетради: «служанка — хозяйка — коридор».

* * *

Карета тряслась на булыжнике. Элин сидела напротив, прямая, как столб, и смотрела в окно. Я смотрел на неё. Больше в карете смотреть было не на что.

Перчатки у неё были хорошие, тонкой кожи, но на левой, у большого пальца, аккуратная штопка. Туфли начищены до блеска, но каблуки сбиты и подбиты заново. Плащ сидел идеально, но край подола был чуть темнее остального — подшит из другого куска.

Я знал, как выглядит бедность, которая очень старается не быть бедностью. В Сточном квартале её нет: там нечего прятать. А в верхнем Кайрне её полно.

— Что? — не поворачиваясь, спросила Элин.

— Ничего.

— Ты пялишься.

— Изучаю противника.

Она наконец посмотрела на меня. Глаза у неё были серо-голубые и очень холодные.

— Я тебе не противник, Корр. Противник — это кто-то, с кем можно сравнивать.

Я рассмеялся. Не мог удержаться — уж больно хорошо сказано. Элин отвернулась к окну, но, кажется, уголок рта у неё дёрнулся.

* * *

Служанку звали Марта. Та самая пожилая женщина, что вчера плакала в фартук. Сегодня она не плакала, а говорила — быстро, сбивчиво, испуганно оглядываясь на дверь.

— Я воды несла, господин стажёр, госпожа стажёр. Ночью, на третий этаж, у меня ноги болят, я ночью и хожу, пока лестница пустая. А тут она. Хозяйка. В коридоре, у самой лестницы. В плаще, в капюшоне. Я её по походке узнала, у неё походка лёгкая, как у кошки. Мимо меня прошла и не заметила. С чёрной лестницы, значит, пришла.

— В котором часу? — Элин писала.

— Часы на кухне два били. Или после двух… Я точно не скажу. Ой, не говорите ей, что я сказала. Выгонит.

— Куда она шла? К кабинету?

Марта замялась.

— В ту сторону, — сказала она. — Там и кабинет, и её спальня. Коридор-то один.

Элин записала: «шла в сторону кабинета». Я промолчал. Но запомнил: «и спальня тоже».

* * *

Лиора Грейн приняла нас в малой гостиной. Тёмное траурное платье, светлые волосы, бледное лицо. Она была очень красива — той красотой, которую видно даже тогда, когда человек этого совсем не хочет.

— Я спала, — сказала она, когда Элин вежливо, по всем правилам, задала вопрос. — Всю ночь. Мой муж работал допоздна, мы давно живём… жили в разных комнатах. Я ничего не слышала.

— Служанка видела вас в коридоре около двух, госпожа.

— Служанка ошиблась. Она стара и плохо видит.

Голос у неё был ровный. Руки лежали на коленях спокойно. Только большой палец правой руки всё время поворачивал обручальное кольцо на безымянном. Раз. Другой. Третий. И когда она сказала «я спала», она посмотрела не на Элин и не на меня, а на окно. Туда, где за стеклом шёл мелкий осенний дождь.

Я много раз видел, как врут. Карманники врут, глядя тебе прямо в глаза: их этому учат. Скупщики врут, улыбаясь. А люди, которые врать не привыкли, врут вот так: смотрят в сторону и крутят кольцо.

Она лгала. Но, может быть, не про то, о чём мы думали.

— Благодарю вас, госпожа, — сказала Элин, захлопывая тетрадь. — Это всё.

* * *

В холле, на вешалке у двери, висел плащ. Тёмный, бархатный, с глубоким капюшоном. Женский. Пока Элин прощалась со слугами, я подошёл поближе — будто бы рассматриваю картину на стене — и посмотрел.

На капюшоне был след. Двухдневный, уже бледный, почти выцветший. Тёмно-красный, как старое вино, и пахнущий мокрой листвой. Я сразу понял, что это. Простенькое заклинание от дождя — им пользуется каждый, кто может себе позволить мага на час: невидимый зонтик над головой.

Только почерк был не её. Не Лиоры. Свой почерк она оставила вчера на дверной ручке в гостиной — светлый, лёгкий, перламутровый. А этот был чужой. Тяжёлый, мужской, уверенный. Кто-то держал над её головой зонтик от дождя. Позавчера ночью. Когда шёл дождь.

А дождь шёл как раз в ту ночь, когда умер мастер Грейн.

Чей это был почерк, я прочесть не мог. Для этого нужно уметь больше, чем я умею. Я видел только, что он есть.

— Корр! — Элин стояла у двери. — Ты идёшь или ты остаёшься работать вешалкой?

Я пошёл.

* * *

В карете она молчала долго. Потом, глядя в окно, сказала:

— Она лжёт.

Я поднял брови.

— Ты тоже заметила?

— Я не слепая. — Она повернулась ко мне. — Она смотрела в окно. Все, кто врёт на допросах, смотрят в окно. Это написано в «Наставлении следователю», в третьей главе.

— А у нас это написано на каждом углу, — сказал я. — Только без глав.

Она фыркнула, но не зло.

— Я доложу господину смотрителю, — сказала она. — Всё как есть. Служанка видела, вдова лжёт.

— Конечно, — сказал я. — Доложи.

И подумал: беги, доложи. Отличница. Любимица. Беги, неси ему в зубах, как собачка.

Элин снова отвернулась к окну. До самой Палаты мы не сказали друг другу ни слова.

Но одно я знал точно. Сегодня ночью, когда госпожа Лиора Грейн снова наденет свой тёмный плащ, я буду рядом.

Глава 6. Ночь в верхнем Кайрне

Верхний Кайрн ночью совсем не похож на нижний.

В Сточном квартале ночь живая: там орут, дерутся, поют, торгуются, там из каждой щели кто-то за тобой следит. А здесь ночь тихая и пустая, как дорогая шкатулка. Широкие улицы, магические фонари в кованых клетках, запертые ворота, спящие окна. Здесь никто не ходит пешком после полуночи. Поэтому тот, кто ходит, виден за версту.

Поэтому я пошёл не улицей.

Крыши в верхнем Кайрне хорошие. Крепкие, черепичные, с широкими желобами и каменными трубами, за которыми удобно прятаться. Дома стоят плотно, и где-то прыгаешь, а где-то просто переходишь, как по мосту. В двенадцать лет я знал здесь каждую крышу между Литейщиков и Ратушной площадью. Оказалось, ноги помнят до сих пор.

К дому Грейна я подобрался со стороны сада и лёг за трубой соседнего особняка. Отсюда была видна чёрная лестница — узкая каменная лесенка вдоль задней стены, к маленькой калитке в сад. Печати на калитке горели золотом. Но для хозяйки дома они, конечно, открывались сами.

Я ждал час. Начал моросить дождь, черепица стала скользкой и холодной. Я ждал второй. Ноги затекли. Я уже начал думать, что ошибся, что она не пойдёт, что Элин права и я просто уличный выскочка, которому хочется быть умнее всех.

А потом калитка открылась.

* * *

Тёмный плащ, капюшон, лёгкая кошачья походка — Марта не ошиблась. Лиора Грейн выскользнула в сад, оглянулась на тёмный дом и быстро пошла по дорожке к задней ограде. Там была ещё одна калитка, маленькая, почти незаметная в плюще.

Я спустился по водосточной трубе и пошёл за ней.

Вести человека, который не ждёт слежки, легко. Вести человека, который боится слежки, — ещё легче: он всё время оглядывается назад и совсем не смотрит наверх. Лиора оглядывалась каждые двадцать шагов. Я шёл над ней, по стенам садов и по низким крышам каретных сараев, и ни разу не попался ей на глаза.

Она шла недолго. Три квартала вниз, через маленький сквер с фонтаном, к старому двухэтажному дому с садом, обнесённым высокой стеной. В саду был павильон — беседка со стеклянными стенами, в которой горел слабый свет.

У калитки её ждали.

Высокий мужчина в плаще городской стражи. Молодой, широкоплечий, с короткой бородой. Он что-то шепнул ей, взял за руку, а другой рукой провёл над калиткой — и я увидел, как над его ладонью вспыхнул след.

Тёмно-красный, как старое вино. Тяжёлый. Пахнущий мокрой листвой.

Тот самый.

* * *

И вот тут со мной что-то случилось.

До этой минуты я видел следы так, как видят буквы на вывеске издали: понимаешь, что написано что-то, понимаешь цвет, понимаешь даже, что за слово, если Бран подскажет. Но я никогда не видел почерка. Я не мог отличить одного мага от другого, если они делали одно и то

же заклинание. Огонь был огнём, печать — печатью. Различать почерки умели только опытные следователи, у которых за спиной годы.

А сейчас, глядя на тёмно-красный след над калиткой, я вдруг увидел, что он — не просто тёмно-красный. У него был изгиб. Лёгкий, упрямый завиток на самом конце, как у человека, который всегда ставит под подписью росчерк. Такой же завиток, только слабее, выцветший, был на капюшоне плаща в холле дома Грейна. Я его там видел, но не понял. А сейчас понял.

Это был он. Не похожий. Не такой же. Именно он, этот человек, и никто другой.

У меня перехватило дыхание. Я вцепился в край стены, чтобы не свалиться, и долго смотрел на гаснущий над калиткой след, на его упрямый завиток, и не мог поверить, что вижу это сам. Это было как в первый раз прочитать собственное имя.

Почерк. Я читал почерк.

* * *

Я перебрался на крышу сарая у самой беседки. Стеклянные стены, слабый свет свечи — я видел их обоих как на ладони и слышал почти каждое слово. Дождь шуршал по стеклу.

— …нельзя было приходить, Лиора.

— Я не могла не прийти. — Голос у неё сорвался. Здесь она больше не держала спину. Сидела, сгорбившись, на скамейке, и сжимала его руку двумя руками. — Ян, они знают. Палата знает. Служанка видела меня той ночью.

— Видела, как ты возвращалась.

— Какая разница! Он умер. Он умер той ночью, а я была здесь, с тобой, и кто мне теперь поверит?

— Я поверю, — сказал Ян. — И стража на Садовых воротах поверит. Мы прошли мимо их будки без десяти три, я сам расписался в журнале обхода. Я довёл тебя до калитки, ты поднялась по чёрной лестнице. Без десяти три, Лиора. Не в два. В Палате умеют читать журналы.

Вдова тихо заплакала. Не так, как плачут на похоронах, — красиво, в платочек. А так, как плачут, когда долго держались и больше не могут.

— Я хотела уйти от него, — сказала она сквозь слёзы. — Я тебе говорила. Я хотела уйти, а он… он знал. Про нас. Про всё. Он всегда всё знал, Ян, про всех. У него была книга…

Я замер.

— Чёрная книга. Он держал её в кабинете, в тайнике, я видела однажды. Он записывал туда всё. Про всех, кто к нам приходил. Про Совет. Про Высокие дома. И про нас. Он сказал, что, если я уйду, он пошлёт листок твоему капитану, и тебя выгонят со службы. Он смеялся, когда это говорил.

Ян притянул её к себе. Долго молчал.

— Значит, кто-то в этом городе сейчас очень рад, что он умер, — сказал он наконец.

— Многие, — шёпотом ответила Лиора. — Очень многие.

* * *

Я слез с крыши сарая, когда дождь кончился и небо на востоке начало сереть. Возвращался не крышами, а улицами: сил прыгать больше не было. Да и прятаться не хотелось. Я шёл по пустому верхнему Кайрну и думал.

Вдова не убивала мужа. Она просто бегала по ночам к своему стражнику и смертельно боялась, что об этом узнают. Её ложь была самой обычной человеческой ложью, маленькой и жалкой. Служанка видела её в начале третьего — или в три, Марта сама не знала. Журнал на Садовых воротах скажет точно. Северин ведь сам говорил: люди лгут, следы — никогда. А журналы, похоже, тоже не лгут.

Первый след никуда не вёл. Странно, но мне не было обидно.

Потому что теперь я знал, что лежало в тайнике.

Книга. Чёрная книга, в которую мастер печатей записывал чужие тайны. Тайны Совета. Тайны Высоких домов. Тайны всех, кто хоть раз проходил через двери, запечатанные его печатью.

Тот, кто убил Грейна, пришёл не за золотом. Он пришёл за этой книгой.

И теперь он держал в руках половину Кайрна.

Бран сидел в своей подвальной каморке, когда я спустился. Он, кажется, вообще не ложился. Поднял на меня красные глаза.

— Ну?

— Не она, — сказал я. — Но я знаю, что забрали из тайника.

И рассказал ему про книгу.

Бран слушал. И чем дольше слушал, тем бледнее становился. А когда я закончил, он очень долго ничего не говорил. Только смотрел на стену, на которой ничего не было.

А потом спросил, совсем тихо, не мне, а будто самому себе:

— Во что же ты влез, мальчик?

Глава 7. Ученик мастера

Бран велел мне молчать про книгу. Про ночную прогулку — тем более.

— Журнал на Садовых воротах я проверю сам, — сказал он. — Тихо. А ты иди спать и делай вид, что ты обычный стажёр, которому ничего не интересно.

Я проспал три часа и пошёл делать вид.

В полдень меня вызвали наверх. В кабинете Старшего смотрителя пахло воском и старой бумагой, а за высоким окном лежал весь Кайрн — крыши, шпили, дымы Сточного квартала далеко внизу. Элин уже стояла у стола навытяжку. Северин сидел, сложив руки в перчатках на раскрытой папке.

— Вейл доложила мне о беседе со вдовой, — сказал он. — Вдова, по всей видимости, лжёт. Это неприятно, но для нашего дела несущественно: заключение подписано. — Он помолчал. — И всё же. Я не люблю, когда в деле остаются шероховатости. Хольт сказал мне, что у Грейна был ученик. Говорят, накануне его смерти они крупно поссорились. Ученик знал печати мастера лучше всех. Опросите его. Для порядка.

Элин кивнула. Я тоже кивнул. И, выходя из кабинета, почувствовал, как у меня внутри разливается тепло.

Он тоже не верит. Он подписал бумагу, потому что так положено, потому что в Палате нельзя без доказательств пересматривать заключения. Но он не верит в сердечный приступ. Иначе зачем ему шероховатости? Он подписал заключение, а сам тихо, чужими руками, продолжает расследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.